

4. Чичерин Б. Н. Положительная философия и единство науки // Вопр. философии и психологии. 1892. Кн. 13. С. 13.
5. Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. 1995. № 5. С. 15.
6. Введенский А. И. Статьи по философии. СПб., 1996. С. 132.

Т. А. Савина
г. Екатеринбург

ОБОСНОВАНИЕ АНТИСЦИЕНТИЗМА В ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА

Один из наиболее глубоких и оригинальных мыслителей XX века, сторожник «философии абсурда» и «философии трагедии», наиболее откровенно обнаживший основной пафос и направленность экзистенциальной философии, Л. И. Шестов не оставил никакой систематически связанной, дискурсивной теоретической конструкции, содержащей ярко выраженное гносеологическое, онтологическое и другие традиционные философские учения. Однако за эмоциональным пафосом его умонастроений и тревог просматриваются многие волнующие человечество вопросы: свободы и необходимости, знания и веры, добра и зла, смысла жизни.

Человек, по Л. Шестову, существует в двух измерениях бытия: в обыденности и в дерзновении свободы и творчества. Существование в обыденности для Шестова есть существование среди припудренных и общеобязательных истин науки и морали. Фундаментальная трудность на пути достижения свободы индивидуального существования, «дерзновения» и «творческого усмотрения», по Шестову, «состоит не в болезни бытия, ложно направленной свободе или объективации духа, а во «власти идей», принципиально неправильном, выражающемся в знании отношении к себе и окружающей нас действительности, в самом познании, разуме и логике как тотальных, по одномерных и в итоге несостоятельных способах существования идей» [1].

С антисциентистских позиций рассматривает Л. Шестов библейский миф о грехопадении. Обычно, как считает Шестов, грехопадение понимают как неповиновение Богу и как увлечение плотским соблазном. Но никто не хотел и не мог допустить, что корень греха в познании, и что умение различать добро и зло есть падение и притом самое страшное и пагубное, какое только может себе вообразить человек. Смысл грехопадения в том, что человек, поддавшись искушению Змея (Ничто) и вкусив запретных плодов с древа познания добра и зла, стал знающим. Но оказалось, «что

плод от дерева познания, росшего в саду Эдема наряду с деревом жизни, этот плод таил в себе неизбежную смерть», — пишет Л. Шестов [2]. Весь наш опыт как будто доказывает, что «познание оберегает жизнь», делает человека более сильным, познание — источник силы и могущества. Но с приобретением знания человек стал ограниченным и смертным существом. Сущность знания в ограниченности: таков смысл библейского сказания. Знание есть постоянная способность и постоянная готовность оглядки, результат боязни, что если не посмотришь, что за тобой, то станешь жертвой опасного и коварного врага. А «стыдное», дурное, страшное пришло от познания и вместе с познанием, с его «критериями», присвоившими себе право суда и осуждения.

Искушитель внушил человеку, что познание сделает его равным Богу, но знание не привело человека к свободе, как обычно привыкли думать и как утверждает умозрительная философия, а наоборот, — человек попал во власть вечных истин. Человек отрекся от своей божественной природы и выбрал Разум, «он бросился к знанию, чтобы защититься от Бога». Это было глубокое и страшное падение человека. Вместе со знанием в мир вошел грех, а за грехом — и зло. Разум заставляет человека предпочесть его надежную необходимость и гарантированное различие добра и зла таинственной, ничем не обеспеченной, парадоксальной свободе веры. Грехопадение было «выбором низшей способности, с ее страстью к различиям и общим идеям, с парными противоположностями: добро — зло, истина — ложь; возможное — невозможное. Человек отрекся от своей веры, чтобы получить познание» [3].

Плоды с дерева познания стали источником умозрительной философии, вопрос о грехопадении стал вопросом об умозрительной и откровенной истине. Умозрительная философия приемлет только такую истину, которая может оправдаться перед разумом. Шестов утверждает, что плоды с запретного дерева можно было бы назвать также синтетическими априорными суждениями. Для умозрительной философии «вера есть только несовершенное знание, есть знание в кредит, которое только тогда окажется истинным, если оно добьется признания разума. С разумом же и с разумными истинами никто не в праве спорить и не в силах бороться. Разумные истины — есть вечные истины: их нужно безоговорочно принять и усвоить» [4].

Объект критики Шестов обозначил понятием «Афины». В агрессивности Афин Шестову виделось нечто дьявольское, отчуждающее человека от истинной свободы и мудрости. Линия Шестова — это линия Иерусалима и путь к Иерусалиму, а значит —

освобождение от принципов, задач и источников Афин. Критика «Афин» у Шестова разнообразна.

Во-первых, наука подходит к действительности с готовыми схемами, и мир от все возрастающего количества знаний не делается более понятным. Наука претендует на достоверность, т. е. на всеобщность и необходимость своих утверждений. В этом ее сила, историческое значение, но в этом — и великий соблазн. Наука не констатирует факты, а судит о действительности. Она превращает случайное в необходимое и тем самым творит истину по своим собственным законам. Наука — это «жизнь перед судом разума». Шестов глубоко прав, считая, что система Менделеева и атомистическая теория не делают окружающее нас понятным, а только в лучшем случае позволяют им распоряжаться.

Во-вторых, наше «понимание» нужно только для действия, когда же действовать не нужно, не нужно и понимать, не нужно искать ни связи вещей, ни всеединства, ни достаточных оснований, ни закономерностей. Человеческий разум и был, вероятно, создан природой исключительно для практической деятельности. Но неожиданно этот разум преодолел установленные для него границы и стал размышлять для самого себя.

В-третьих, разум считается единственным гарантом правильности наших поступков. Знание становится знанием лишь постольку, поскольку мы в факте открываем «чистый» принцип, невидимое глазу «всегда», всемогущий призрак, который унаследовал власть и права. Само представление об истине и лжи предполагает вечный, неизменный порядок. Этот порядок и есть то, что стремится выявить наука, создавая свои теории. Научное мышление наделило идеи высшей прерогативой: они решали и судили, что возможно и что невозможно, они определяли границу между действительностью и мечтой, между добром и злом. За долгие века нашего земного существования мы срослись с теми истинами, которые нам внушил разум, и не можем представить своего существования без них. Ведь повседневный опыт неизменно и постоянно свидетельствует о том, что человека, отказавшегося от руководства разума, ждут всевозможные беды и несчастья.

В-четвертых, разум не в силах объяснить иррациональное. Какое бы значительное место мы ни отводили разуму, он бессилен перед такими явлениями, как смерть, страдания, безумие. Здесь он не может претендовать на роль «вершителя человеческих судеб». Приоритет науки и разума ведет к отрицанию иррационального, «иного измерения» мышления. Уже в своей первой работе, обращаясь к шекспировскому творчеству, Шестов поставил и начал

развивать тему приоритета жизни над разумом. Шестов показал: величие Шекспира в том, что он проникся сознанием страданий, понял их не только умом, но и всем своим существом, «он ставит жизнь и страдания, связанные с жизнью, выше отвлеченной мысли: последняя только классифицирует явления и элементы жизни, отводя всему место в стройной цельности мироздания, и не останавливается на безысходности «надрывов», не плачет и не исступляется вместе со страждущим человечеством» [5].

И последнее. Законы науки не считаются с тем, что именуется человеческим. Истины разума равнодушны к жизни и душе отдельного человека. Поэтому в своих философских исканиях Шестов обращается к русской литературе XIX века, «в центре внимания которой стоит живой человек со всем его величием и слабостью, со всеми бедами и радостями, страданиями и надеждами, верой и безверием» [6]. У Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого Л. Шестов находит сосредоточенное внимание к человеку — единичному, случайному, незаметному, но живому человеку. В литературе он находит глубинную значимость ситуаций, которые позже европейские экзистенциалисты назовут пограничными. «В противовес общеобязательности, Шестов, — как верно замечает Б. Грифцов, — с полной настойчивостью станет отстаивать принцип индивидуальности и как метода, и как критерия для оценки» [7]. Приоритет общего ведет к усреднению и принижению человека. И не значит ли это, задается вопросом Шестов, что разум вовсе «не благодетель, а смертельный враг наш?» Может быть, противоречивость приближает человека к истине, ибо свидетельствует о том, что человек утратил страх перед обычными критериями? Может быть, наши суждения, когда они «имеют за собой общее признание, когда они становятся понятными, доступными, самоочевидными и потому непререкаемыми, тогда именно они становятся пошлыми, жалкими, бедными, нужными только для статистики или другой положительной... науки?» [8].

1. Кувакин В. А. Экзистенциализм // Русская философия: Словарь. М., 1995.
2. Шестов Л. И. На весах Иова // Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2.
3. Чеслав Милош. Шестов, или О чистоте отчаяния // Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия. М., 1992.
4. Шестов Л. И. Киркегард и экзистенциальная философия.
5. Венгерова З. А. Л. Шестов и его критик Брандес // Образование. 1900. № 1.
6. Ерофеев В. Одна, но пламенная страсть Льва Шестова // Шестов Л. Избр. соч. М., 1993.
7. Грифцов Б. Три мыслителя: В. Розанов, Д. Мережковский, Л. Шестов. М., 1911.
8. Шестов Л. И. Власть ключей // Соч. М., 1993. Т. 1.